

С.А. Фомичев

Хлестова

Хлестова в комедии Грибоедова является своего рода Фамусовым для женской половины общества. Она властна, груба и откровенна в своих замечаниях. Выразительными штрихами драматург оттеняет и границы ее «самобытности». Когда Хлестова слышит неуместный, как ей кажется, смех Чацкого, она прежде всего осведомляется, из какого он «звания», и только узнав, что это «просто Чацкий», дает волю своему старческому негодованию. Имеются основания для отождествления Хлестовой с той тетушкой Софьи, о которой шла речь в первом действии пьесы, — особо пристрастной к французам. Очевидно, не случайно, подбирая для Хлестовой партнеров для виста, Молчалин приглашает «мосье Кока» («Спасибо, мой дружок», — прочувствованно благодарит его барыня). Эти детали необходимо подчеркнуть, так как в критической литературе истолкование образа Хлестовой отчасти «корректируется» героиней «Войны и мира» Толстого, Марьей Дмитриевной Ахросимовой, прообразом которой послужила (как и для Хлестовой) Наталья Дмитриевна Офросимова, острая на язык московская барыня, чей облик отражен в мемуарах многих современников.

«Старуху Хлестову, — пишет один из них, — я хорошо помню: это была Наталья Дмитриевна Офросимова. Еще в 1807 году под фамилией Набатовой ее вывел граф Ф.В. Растопчин в своей комедии “Вести, или Живой покойник”; ее же, под именем Марьи Дмитриевны Ахросимовой, описал в “Войне и мире” граф Л.Н. Толстой. Офросимова была одного с нами прихода Иоанна Предтечи в старой Конюшенной; она строго блюла порядок и благочиние в церкви, запрещала разговоры, громко бранила дьячков за нестройное пение или за нерасторопность в служении; дирала за уши (как Чацкого) мальчиков, выходявших со свечами при чтении Евангелия и ходивших с тарелочкою за церковным старостой, держала в ришпекте и просвирию, подносящую ей одной большую просвиру. К кресту Офросимова всегда подходила первою; раз послала она дьячка к незнакомой ей даме, которая крестилась в перчатке, громко, на всю церковь, дав ему приказание: “Скажи ей, чтоб сняла собачью шкуру”».

В романе «Война и мир» Толстой прорисовывает образ Ахросимовой в соответствии с иной художественной концепцией, в которой заявляется в сочувственных тонах национальная самобытность подобных натур. Ахросимовой Толстой любит:

«Ждали Марью Дмитриевну Ахросимову, прозванную в обществе terrible dragon (страшным драгуном), даму, знаменитую не богатством, не почестями, но прямою ума и откровенною простотою обращения. Марью Дмитриевну знала царская фамилия, знала вся Москва и весь Петербург, и оба города, удивляясь ей, втихомолку подсмеивались над ее грубостью, рассказывали про нее анекдоты; тем не менее все без исключения уважали и боялись ее».

В сатирических куплетах начала XIX века «Стихи на пруды» Офросимова характеризовалась иначе:

Вот и матушка родима
Афросимова бежит,
В ней ухваточка любима:
Кулаками всех дарит.

Разумеется, в образе Хлестовой Грибоедов не копирует живое лицо, а выявляет характерные черты своеобразной «матери-командирши», «судьи всему», однако не безгрешной.